

Евгений Кравец

Громко

Автор трёх книг стихотворений. Член РСПЛ. Глава редакционного совета литературного журнала «Перископ». Победитель, призер, член жюри и организатор литературных конкурсов и премий, в том числе международных. Составитель ряда тематических литературно-художественных изданий. Живёт в Волгограде.

Система мер

Жизнь постепенно сложилась в систему мер.

Это победа ума в миллиард ампер
над эластичным, ёмким, но слабым сердцем.
Знаю отныне:

- насколько предатель мерзкий;
- диапазон, в котором бездарный сер;
- ...

... - ясно теперь, сколько шкаликов пустоты
вместят обидой поджатые наши рты;
сопоставима инерция перепалки
с теплоотдачей одной типовой двуспалки
(если её зарядом послужишь ты).

Я и тебя изучил, и теперь смотрю,
страх насадив на лабораторный крюк,
как от утрат тупятся твои инстинкты...
нет, не сегодня – я ближе к зиме постигну:
смерть и туман уплотняются к ноябрю.

Знания эти – нужные, как кулья:
пользуйся, коль приспичило, но кряхтя,
ведь достоверно чувствуешь, что не сможешь
больше ни грамма веры ввести под кожу
и пережить на минуту своё дитя.

2018

Перекрёсток

М.К.

Элегантная женщина, пятьдесят или около, тонкая,
в прошлом, похоже, богема (не в настоящем),
вынесена к перекрёстку густым потоком
тех, кто дождётся зелёного и обрящет.
Ей интересно сейчас оказаться в гуще
и гипнотически верить в морганье зверя.
Время прикинулось морем – плескучим, скучным,
Ждущим, когда рассечёт его чёрный берег.
Время, которое раньше светилось от радия
и до утра оставалось свежо и немо,
нынче почти иссякло – его потратил
тот человек, что обернулся мемом.
Тот человек, став всемогущим багом,
делает вид, что вовсе не баг, а фича...
Женщина на перекрёстке – потомок мага:
шаг... и примнёт асфальт... и вспорхнёт по-птичьи.
Женщина-мамонт была по колено в гудроне,
в щебне и грунте, где прошлое сладко гнило,
но полнозвучный щебет с небес проронит
«нет» тяготенью земли, притяженью могилы.

Жёлтые шатры

Вновь пришла зима, лишая сил,
Колкая метель вот-вот нагрянет;
Сонный вечер на привал разбил
Желтые шатры под фонарями.

Истлевают искры естества,
В памяти – рябины капор куций.
Вероломно новая глава
Жизни нас неволит обернуться.

Но неосязаем буйный ход
Времени, бурлящего в аортах.
И глаза направлены вперед,
И трещит надежды шнур бикфордов.

I

ты, как луна, улыбалась – спиной ко мне,
пряча *от счастья стареющие* глаза.
дня поменялся вкус по твоей вине,
и потому звал я тебя Кинза.
день поменялся на ощупь – среди щербин
сепией гладко меркла луна-спина.
я не менялся, внешне – как до любви...
зря я такое начал запоминать.

II

Встал рано. И Бог надавал уже
авансов... и власти своей чуть-чуть.
Без кофе и душа прогрею рыдван в гараже.

Черно там, я мглою глаза перчу.
А фары настолько отчётливо режут тьму,
словно толкают свет тeneвым ковшом.

– Войди же в свой мир, – воздел я глаза к Нему,
– Что мнёшься там? Или не приглашён?

III

Говорит в нос. Дышит в глаза. Смотрит в рот.
Не совпадают отверстия и пустоты.
Вдруг оказалось – она не моё ребро
И не моя судьба на ладони потной.
Только... кому я вру?
Ничего не «вдруг».

IV

вроде схвачено, как на живую нитку,
мрак не плутает в рыхлой моей канве,
и никаких поддельных китайских пыток –
я не усну/не проснусь ни на миг/навек...
всё бы отдал – не матери, так вдове,
да не берут ни веточки
у забытых.

Утро

память к утру становится
рыхлая как кутья
смерть нависает гроздьями
сладкого забвения

много за нею послано
пепельных голубей
в горле вскипает возглас
сжался смиришь убей

сколько преград воздвигнут
сердце и голова

правда и индивидуум
воющие слова

воля распоряжение
стонущие дела
капельница рыжеет
луч поперёк стола

солнце румянит пальцы
по синеве скользят
утра нельзя бояться
и избежать нельзя

Сон

Это не стихи, не так ли?
Я ведь сплю – мне помогли
Лавровишневые капли.
Помешательством запахла
В серном море корабли.

По судьбе надеждоёмкой,
Вспорот острою тоской,
Я проплыл к заре далёкой
И, побыв своим ребёнком,
Унаследовал покой.

Но никак не отогреюсь
В чёрной тающей пылице –
Мне принёс её Эребус.
Замирает, как беременность,
Слово, ставшее в конце.

Отразись в потоке лезвий,
Неспокойное дитя.
Сон, бездонный и полезный,
Тоже может стать поэзией...
Только девять дней спустя.

Громко

Рыхлые нёба – набраны рты водой.
Слаб, целоваться с утра мне нельзя – сомлею.
В этой редеющей тьме я отныне твой...
И – тишина. Я запишу на плеер
Твёрдо молчащий преджизненный мир «до_нас»,
Будет закупорен он в цифровой пробирке,
Словно ничуть не спешащий инертный газ.
Платье как будто сползает твоё со спинки
Кресла, как будто сбегает отсюда прочь –
Из отравляющей свет холостяцкой пещеры –
И забирает с собой заварную ночь
Вместе с кофейной гущей зари вечерней.
Что нам предскажет она? И о чём смолчит?
Много они понимают, твои закаты...
Ясно сейчас: от квартиры одни ключи,
Надо брести на рынок, точить дубликаты.
Шкаф ещё нужно купить. И цветок в горшке.
И завести, наверно, морскую свинку.
Тапочки... нет, не надо, и так ташкент.
На антресоль отправлю свои пластинки,
Чтоб избежать притирочной тесноты,
Едких обид.

Сбрасываю ветровку:

«Милая, ключ в коридоре... Да где же ты?»
Нет никого...как пусто теперь...и громко.

2022

Обратимость

I
В новом сне я знал, что это – сон:
Я стоял как будто на мосту,
Отражалось длинное лицо
В молоке – тяжелом, словно ртуть,
Можно было делать что хочу –
Каждый грех был слаб и обратим,
Даже исподлобья палачу

Улыбаться на его «прости».
Даже слыша яростную мать
(Там бывает, что она – ничья),
Отвернувшись, ласково внимать
Клёкоте набухшего ручья.
Полнится гудением веков
И чужой непризнанной виной
Этот сон – горящим мотыльком
Время в нём зависло надо мной.

II

это клавиша «реверс», обратная перемотка...
столь желанна умом и приятнее всех на ощупь.
вот и память заводит себе пошершавей кнопку,
чтоб уметь разворачивать вспять роковые ночи.
нажимает её – лепестки искореженной стали
распрямляются в крылья начищенного болида,
озверевшее пламя ползёт в бензобак с асфальта,
буроватая жижа в артерии снова влита.
и ко въезду в тоннель голубое авто умчало,
и секунды твою перспективу не обглодали,
только если мотать до конца (то есть до начала),
там не ты уже – кто-то другой отпустил педали.

III

Сквозь явь и сон, альбедо и либидо,
С настойчивостью беглого раба,
С разборчивостью молний шаровидных
Назад глядит логичная судьба.
Ведётся счёт мольбе и сигарете,
Огню в глазах и холоду в груди;
Сдержался ли, вмешался ль кто-то третий
(При том, что я фактически один).
Качает страх трагическая жилка –
Височное больное существо.
Курок взведен беззвучно у затылка
Не моего...давно не моего.

За стеклом

I

В иллюминаторе стиралки
видна земля,
видны земляне с их землянками,
и до нуля
докручен цикл густой кромешности
в грязи большой.
Но кто постиг Меня, конечно, те
чисты душой.

II

Дети пьют бражку, чтоб не казалась мёдом
жизнь, хотя многим раньше хватало кваса.
Дети созвали тучек, каждую поимённо.
Я намахнул стакан – сразу загрузовался.
Да, опустевшая тара лучше для созерцания
Нашей тягуче-взрослой бесцветной жижи.
Серенькой пенкой стянуло сладкое небо пацанье.
Сквозь непросохшую оптику я только детей и вижу.

III

Через витрину глядит манекен – зло, беззрачково,
розов и прям в полимерной тоске. Шарф пустяковый
должен продать он и скучный жилет, и рваные джинсы.
Кэш отзвенел. В оцифрованный след сумрак ложится.
Гаснет подсветка – труднее желтеть тусклой корысти.
Кто-то в пологой совсем темноте смотрит по-рысьи.
Вновь на алтарь изольётся огонь, всё повторится:
чёрная пятница, белый конь. Можно без принца.

IV

Агния – диагност, в лаборатории смотрит стёкла
и видит людей в их приоткрытых клетках:
это добряк и сладёна – в холестериновых бляшках,
это художник, мрачный от дефицита селена;
вот и сама Агния – цветущая карцинома...
Выбросила стекло – они всё время преувеличивают
хрупкость жизни.